УДК 336.7:004

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Вергун Т. В.[1]

Аннотация: Статья посвящена анализу процессов цифровой трансформации финансовых рынков, протекающих под воздействием масштабного санкционного давления на российскую экономику. Рассматриваются ключевые направления адаптации национальной финансовой инфраструктуры: развитие Системы передачи финансовых сообщений (СПФС), платёжной системы «Мир», Системы быстрых платежей (СБП), а также проект цифрового рубля как перспективного инструмента трансграничных расчётов. На основе институционального и системного анализа выявлены противоречия между ускоренной технологической адаптацией и фундаментальными ограничениями, обусловленными зависимостью от импортных технологий, асимметрией цифровых компетенций стран-партнёров и рисками замещения одной формы зависимости другой.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, финансовые рынки, санкции, СПФС, цифровой рубль, ЦВЦБ, дедолларизация, финансовая инфраструктура, платёжные системы, импортозамещение*

Для цитирования: Вергун Т. В. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ // Московский вестник экономических наук. №1 (2024). С. 40-51.

DIGITAL TRANSFORMATION OF FINANCIAL MARKETS UNDER SANCTIONS PRESSURE

Vergun T. V.[1]

Abstract: *This paper analyses the processes of digital transformation within financial markets under conditions of large-scale sanctions pressure on the Russian economy. The study examines the principal vectors of national financial infrastructure adaptation, including the development of the Financial Messaging System (SPFS), the Mir payment system, the Faster Payment System (SBP), and the digital ruble project as a prospective instrument for cross-border settlements. Drawing on institutional and systems analysis, the paper identifies contradictions between accelerated technological adaptation and fundamental constraints imposed by dependence on imported technologies, the asymmetry of digital competencies among partner countries, and the risk of substituting one form of dependency for another.*

Keywords: *digital transformation, financial markets, sanctions, SPFS, digital ruble, CBDC, de-dollarisation, financial infrastructure, payment systems, import substitution*

<

ВВЕДЕНИЕ

Режим экономических санкций, установленный в отношении Российской Федерации с февраля 2022 года, не имеет прецедентов ни по масштабу, ни по глубине проникновения в структуру финансового рынка. Отключение крупнейших российских банков от системы SWIFT, заморозка суверенных активов, ограничения на экспорт полупроводников и технологий двойного назначения, уход международных платёжных систем Visa и Mastercard — совокупность этих мер создала условия, при которых цифровая трансформация финансового рынка перестала быть вопросом среднесрочного планирования и превратилась в задачу операционного обеспечения устойчивости инфраструктуры.

Актуальность исследования обусловлена несколькими обстоятельствами. Сложившаяся к 2022 году архитектура международных финансовых коммуникаций опиралась на институты, созданные и контролируемые преимущественно западными странами. SWIFT на протяжении десятилетий обрабатывала свыше 80 % глобального межбанковского трафика финансовых сообщений. Доллар США оставался валютой подавляющего большинства международных расчётов. Платёжные системы Visa и Mastercard контролировали основную долю карточного рынка за пределами Китая. Санкционное давление обнажило системную уязвимость стран, глубоко интегрированных в эту архитектуру, но не располагающих собственными инфраструктурными решениями достаточной зрелости. Россия, между тем, начала формировать элементы альтернативной платёжной инфраструктуры ещё после первой санкционной волны 2014 года, что обеспечило определённый технологический задел к моменту радикального обострения.

Научная проблема состоит в недостаточности комплексного анализа цифровой трансформации финансового рынка как адаптивной реакции на внешнее давление. Имеющиеся исследования сосредоточены, как правило, на отдельных аспектах: цифровых валютах центральных банков, импортозамещении программного обеспечения в банковском секторе, динамике валютных расчётов. Между тем эти процессы тесно связаны между собой и образуют единое поле структурной перестройки, анализ которого требует системного подхода.

Цель настоящей статьи состоит в комплексном исследовании процессов цифровой трансформации финансовых рынков Российской Федерации под воздействием санкционного давления и в выявлении ключевых противоречий этой трансформации. Задачи работы включают: характеристику инфраструктурного задела, сложившегося к началу 2022 года; анализ ускоренного развития национальных платёжных и расчётных систем в 2022–2023 годах; оценку потенциала и ограничений цифрового рубля; исследование процессов дедолларизации и формирования альтернативных каналов международных расчётов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическую основу работы составляет институциональная экономическая теория в её приложении к анализу финансовой инфраструктуры. Финансовый рынок рассматривается как институциональная конструкция, устойчивость которой определяется, с одной стороны, глубиной вертикальных связей между регулятором, инфраструктурными организациями и участниками, а с другой — качеством горизонтальных связей, обеспечивающих трансграничную интероперабельность. Санкционное давление, разрушая горизонтальные связи, порождает необходимость компенсации утраченных каналов через институциональные инновации: создание новых систем передачи данных, адаптацию регуляторных рамок, перестройку технологического стека.

Дополнительной аналитической рамкой служит концепция технологического суверенитета, которая в российском контексте после 2022 года переместилась из пространства стратегических деклараций в область практической политики. При-

менительно к финансовому рынку технологический суверенитет означает способность обеспечивать полный цикл проведения платежей, расчётов и клиринга на базе национальных программных и аппаратных решений без критической зависимости от иностранных поставщиков.

Методологически исследование опирается на системный анализ, институциональное сравнение и анализ документов. Информационную базу составляют нормативные документы и статистические данные Банка России, включая «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов» (декабрь 2023 г.), данные о трафике СПФС, показатели Системы быстрых платежей, статистику Московской биржи по валютным торгам, а также аналитические материалы международных исследовательских организаций (BIS, UNCTAD) и экспертного сообщества. Временной горизонт анализа охватывает период 2014–2023 годов с основным фокусом на 2022–2023 годах.

Ограничения исследования связаны с тем, что с апреля 2022 года Банк России прекратил публикацию полного перечня участников СПФС, а часть статистических показателей, касающихся трансграничных расчётов, была переведена в режим ограниченного доступа. Это объективно сужает возможности количественного анализа и требует обращения к косвенным оценкам и экспертным свидетельствам.

Адаптивный потенциал российской финансовой системы в условиях санкционного шока 2022 года невозможно понять вне анализа решений, принятых после первого цикла ограничительных мер 2014 года. Резолюция Европейского парламента того года, содержавшая призыв к отключению России от SWIFT, и последующее обсуждение этой меры на уровне глав МИД европейских государств по инициативе Великобритании стали сигналами, которые российский мегарегулятор воспринял как реальную угрозу. Ответом стало решение о создании Системы передачи финансовых сообщений (СПФС): тестовый режим запущен в декабре 2014 года, операционная готовность достигнута к осени 2015 года.

В течение последующих лет СПФС развивалась как страховочный механизм, наращивая функциональность без форсирования миграции участников. К 2020 году на долю системы приходилось 20,6 % внутрироссийского трафика финансовых сообщений при ежемесячном объёме около 2 млн сообщений. Параллельно расширялся круг участников: к системе подключались не только банки, но и крупнейшие корпорации — «Роснефть» (первая транзакция в декабре 2017 г.), «Газпром нефть» (июнь 2018 г.), «Ростех» (апрель 2018 г.). Начался процесс интернационализации: первым иностранным участником стал белорусский «Белгазпромбанк» (ноябрь 2018 г.), к концу 2020 года к системе подключились 23 иностранных банка из шести стран, включая организации из Германии, Швейцарии и Казахстана.

Тарифная политика формировала экономические стимулы для перехода. Стоимость одного сообщения через СПФС после снижения в марте 2018 года составляла от 0,80 до 1,00 рубля, тогда как аналогичный тариф SWIFT находился в диа-

пазоне 0,03–0,05 евро (2,20–3,70 руб. по курсу 2018 г.). Ценовое преимущество, не критичное для крупных банков с высоким трафиком и скидками от SWIFT, оказалось существенным для средних участников и корпораций.

Национальная система платёжных карт (НСПК), созданная в 2014 году, решала аналогичную задачу в сегменте розничных платежей. К 2022 году НСПК обеспечивала процессинг всех внутрироссийских карточных транзакций — включая операции по картам Visa и Mastercard, которые после 2015 года в обязательном порядке маршрутизировались через национальную систему. Платёжная система «Мир», запущенная в декабре 2015 года, последовательно наращивала долю: к 2018 году государственные выплаты (пенсии, пособия, заработная плата бюджетников) в обязательном порядке зачислялись на карты «Мир», что обеспечило ускоренное расширение клиентской базы.

Система быстрых платежей (СБП), введённая в эксплуатацию в 2019 году, добавила к инфраструктуре возможности мгновенных межбанковских переводов по номеру телефона и оплаты по QR-коду. Хотя СБП проектировалась прежде всего как инструмент усиления конкуренции на платёжном рынке (снижение комиссий, вовлечение малого и среднего бизнеса), она оказалась способна частично компенсировать утрату доступа к международным сервисам бесконтактных платежей.

Таким образом, к февралю 2022 года Россия располагала тремя ключевыми элементами национальной платёжной инфраструктуры (СПФС, НСПК/«Мир», СБП), каждый из которых был создан как ответ на конкретную санкционную угрозу и прошёл стадию «мирного» тестирования. Это не устраняло уязвимости в сфере трансграничных расчётов и аппаратного обеспечения, но предотвратило системный платёжный кризис.

Масштаб санкционного давления 2022 года привёл к скачкообразному изменению параметров национальной финансовой инфраструктуры. Процессы, рассчитанные на годы плавной миграции, сжались до месяцев.

СПФС продемонстрировала наиболее наглядную динамику. За 2022 год трафик системы вырос по сравнению с 2021 годом в три раза. В первом квартале 2023 года темп ещё ускорился: объём переданных сообщений увеличился в четыре раза по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и превысил 40 млн. К июлю 2023 года на СПФС приходилось порядка 70 % всего внутрироссийского трафика финансовых сообщений; за пять месяцев 2023 года было проведено более 82 млн сообщений. К концу сентября 2023 года в системе состояло 550 участников, из которых около 150 — нерезиденты из более чем 15 стран. Принципиально важно, что две трети зарубежных участников подключились именно после марта 2022 года — иными словами, санкционное давление не только не остановило интернационализацию российской системы, но парадоксальным образом ускорило её.

С 1 октября 2023 года Национальный расчётный депозитарий прекратил использование SWIFT во внутренних операциях, перейдя на СПФС. С того же момента использование SWIFT и иных иностранных систем для внутрироссийских

переводов было законодательно запрещено. Одновременно в октябре 2023 года Россия прекратила использование SWIFT для международных и внутренних расчётов в юанях — эти операции полностью переведены на СПФС и китайскую CIPS.

Интеграция с зарубежными системами также получила мощный импульс. К началу 2023 года полностью введена в рабочий режим связка СПФС с иранской SEPAM, завершена интеграция с белорусским аналогом, продолжалось сопряжение с индийской SFMS и китайской CIPS. Полная интеграция СПФС и CIPS, тестовая стыковка которых была проведена ещё в 2021 году, завершена к 2023 году. В декабре 2022 года Россия и Индия провели первые сделки в рупиях с использованием СПФС и SFMS через счета «Востро» Резервного банка Индии.

В сегменте розничных платежей трансформация была не менее значительной. После ухода Visa и Mastercard в марте 2022 года бесперебойность внутренних карточных операций обеспечивалась тем, что НСПК с 2015 года обрабатывала все внутрироссийские транзакции, включая операции по международным картам. Карточные платежи внутри страны продолжили функционировать, хотя международные операции по картам российских банков были заблокированы. Число карт «Мир» стремительно росло: к концу 2022 года объём эмиссии значительно увеличился, а к итогам 2023 года составил свыше 287 млн карт. По данным Банка России, в 2023 году две трети всех внутрироссийских карточных операций (около 45,7 млрд транзакций) осуществлялись с использованием карт «Мир».

Система быстрых платежей показала ещё более впечатляющий рост. За 2023 год через СБП было совершено свыше 7 млрд операций на общую сумму 31 трлн рублей — показатели удвоились по сравнению с 2022 годом. Особенно стремителен рост сегмента оплаты товаров и услуг: покупки через СБП осуществлялись в 4,5 раза чаще, чем годом ранее, общая сумма составила 3 трлн рублей. Количество подключённых организаций достигло 1,5 млн — почти втрое больше, чем в предшествующем году. Существенную роль сыграло приложение СБПэй, обеспечившее бесконтактную оплату смартфоном с функцией NFC любого производителя, что компенсировало утрату Apple Pay и Google Pay.

Таким образом, 2022–2023 годы стали периодом беспрецедентного сжатия сроков цифровой трансформации платёжной инфраструктуры. Системы, созданные как резервные и страховочные, за менее чем два года превратились в доминирующие каналы финансовых коммуникаций.

Санкционное давление вызвало не только технологическую, но и глубокую валютную перестройку российского финансового рынка. Масштаб сдвигов беспрецедентен: за неполные два года произошла радикальная трансформация валютной структуры внешнеторговых расчётов и биржевых операций.

По данным Банка России, доля юаня в расчётах за российский экспорт выросла с 0,5 % в начале 2022 года до 16 % к концу того же года и продолжила увеличиваться на протяжении 2023 года, достигнув к сентябрю 35 %. Параллельно росла доля рубля: с 12 % в начале 2022 года до 34 % к концу года, а затем, по ряду меся-

цев 2023 года, до 38–42 %. Совокупная доля рубля и юаня в экспортных расчётах превысила половину, вытеснив доллар и евро из положения абсолютного доминирования.

На Московской бирже трансформация проявилась ещё рельефнее. По итогам 2023 года юань стал самой торгуемой валютой, вытеснив с первого места доллар. Его доля в общем объёме валютных торгов в режимах «сегодня» и «завтра» составила почти 42 % (34,2 трлн руб. из 82 трлн руб.). Объём торгов юанем увеличился почти втрое по сравнению с 2022 годом. Совокупные доли доллара и евро, составлявшие в 2022 году 87 %, сократились до 40 % и 18 % соответственно. В декабре 2023 года юань впервые обогнал евро в структуре валютных сбережений россиян, по данным ВТБ. Эта динамика отражает не только реакцию на санкции, но и объективное перемещение центра тяжести российской внешней торговли в сторону Китая.

Происходящую валютную перестройку следует анализировать, избегая упрощённых оценок. Дедолларизация российских расчётов является вынужденной и асимметричной. Она вынужденна, поскольку определяется не свободным выбором участников рынка, а невозможностью проведения операций в долларах и евро через привычные каналы. Она асимметрична, поскольку замещение доллара происходит не множеством валют, а преимущественно одной — юанем, что создаёт новую форму зависимости вместо преодоления старой.

При этом сама КНР не поддержала разрыва между масштабами двусторонней торговли и готовностью китайских банков обслуживать российских контрагентов. После издания в декабре 2023 года исполнительного указа Президента США, создавшего рамку для вторичных санкций в отношении содействующих российскому оборонному сектору, ряд китайских банков начал сокращать экспозицию на российских контрагентов. Это означает, что юань как расчётная валюта одновременно наращивает долю и сталкивается с растущими операционными трудностями — противоречие, определяющее характер трансграничных расчётов на ближайшую перспективу.

Проект цифрового рубля — цифровой валюты центрального банка (ЦВЦБ) — был инициирован Банком России в 2020 году преимущественно в логике технологической модернизации платёжной системы. После 2022 года он приобрёл отчётливое геополитическое измерение, поскольку ЦВЦБ рассматривается как потенциальный инструмент проведения трансграничных расчётов вне зависимости от западной инфраструктуры.

Банк России выбрал модель розничной ЦВЦБ с двухуровневой архитектурой. Цифровые рубли хранятся в кошельках на платформе Центрального банка; коммерческие банки являются посредниками при проведении операций. Обмен цифровых рублей на наличные и безналичные средства осуществляется по фиксированному курсу 1:1, при этом эмиссия цифрового рубля не предполагает расширения денежной массы, представляя собой перераспределение существующих агрегатов. Платформенное решение разрабатывается Центральным банком самостоятельно, что учитывает риски ужесточения санкций в технологической сфере.

В августе 2023 года Банк России запустил пилотный проект с участием 13 кредитных организаций и реальных клиентов. Тестировались операции по покупке и продаже цифровых рублей, переводы между физическими лицами, переводы между кошельками в разных банках, оплата товаров и услуг. По заявлениям регулятора, санкционное давление ускорило запуск пилота: первоначально он планировался на 2024 год, но был перенесён на год раньше в связи с необходимостью ускоренного развития альтернативных расчётных механизмов. Масштабное внедрение цифрового рубля предварительно намечено на 2025 год.

Потенциал ЦВЦБ для трансграничных расчётов определяется тем, что транзакции в цифровых валютах центральных банков не требуют использования SWIFT и могут проводиться через прямое взаимодействие платформ. Банк России декларирует намерение обеспечить интероперабельность платформы цифрового рубля с ЦВЦБ-платформами других государств. По данным Анатолия Аксакова, главы финансового комитета Государственной Думы, в 2023 году велись предметные переговоры о сопряжении платформ цифрового рубля и цифрового юаня.

Между тем Китай существенно опережает Россию в развитии ЦВЦБ. К середине 2023 года совокупный объём транзакций в цифровом юане составил 1,8 трлн юаней (около 250 млрд долл.), было открыто 200 млн цифровых кошельков, проведены трансграничные пилотные тесты с Таиландом, Гонконгом и ОАЭ на платформе mBridge Банка международных расчётов. Россия в этих экспериментах не участвовала. Разрыв в зрелости платформ означает, что при потенциальном сопряжении систем именно Пекин, а не Москва, будет определять стандарты, архитектуру и протоколы взаимодействия. Цифровая интеграция, задуманная как инструмент суверенитета, рискует превратиться в канал углубления технологической зависимости от КНР.

Внутренние барьеры принятия цифрового рубля также значительны. По данным ВЦИОМ 2023 года, лишь 30 % россиян выразили готовность пользоваться цифровым рублём, при этом половина респондентов не смогла объяснить его назначение. Отсутствие процентного дохода на средства в цифровых кошельках делает цифровой рубль менее привлекательным по сравнению с банковскими депозитами, а привязка к регистрации на портале «Госуслуги» воспринимается частью населения как механизм расширения государственного контроля. Для банков внедрение цифрового рубля сопряжено с потенциальными потерями: по оценкам консалтинговой компании «Яков и партнёры», снижение комиссий за эквайринг может стоить банковскому сектору до 50 млрд руб. ежегодно, поскольку комиссия за приём цифровых рублей (0,4–0,7 %) существенно ниже текущих карточных ставок (0,5–3 %).

Необходимо учитывать и внешние риски. OFAC (Управление по контролю за иностранными активами Министерства финансов США) уже применяло санкции к криптовалютным биржам и российскому разработчику платформы цифровых финансовых активов. Распространение ограничений на ЦВЦБ-инфраструктуру или на операции иностранных банков с цифровым рублём способно резко сузить его трансграничный потенциал.

Цифровая трансформация финансового рынка невозможна без адекватного технологического стека — совокупности программных и аппаратных решений, обеспечивающих функционирование платёжных, расчётных и информационных систем. Санкционное давление обнажило глубину зависимости российского финансового сектора от импортных технологий и поставило задачу импортозамещения в разряд критических.

Проблема носит многослойный характер. На программном уровне российские банки в значительной мере использовали зарубежные системы управления базами данных (Oracle, Microsoft SQL Server), средства бизнес-аналитики, системы информационной безопасности, а также АБС (автоматизированные банковские системы) иностранной разработки. После ухода западных вендоров перед сектором встала задача миграции на отечественные или открытые решения в условиях продолжающейся операционной деятельности. В марте 2023 года Банк России создал репозиторий отечественных разработок и решений с открытым кодом для использования банками и другими финансовыми организациями. В документе «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов» (декабрь 2023 г.) обеспечение технологической независимости и информационной безопасности выделено в качестве самостоятельного приоритета.

На аппаратном уровне ситуация существенно сложнее. Глобальный экспорт полупроводников в Россию, по оценкам американского правительства, сократился к лету 2022 года почти на 90 %. Дефицит микрочипов затронул производство банковских карт: в 2022 году Сбербанк был вынужден извлекать чипы из неактивированных карт для повторного использования — мера, позволившая сэкономить около 1 млрд руб., но свидетельствующая о глубине технологических ограничений. Переход российских банков на отечественное серверное оборудование и средства информационной безопасности остаётся одной из наименее завершённых задач: правительство неоднократно сдвигало сроки обязательного перехода на отечественное оборудование.

Существенным фактором стал отток IT-специалистов. По оценкам Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), в первой волне (март 2022 г.) Россию покинули 50–70 тыс. IT-профессионалов; вторая волна, связанная с объявлением частичной мобилизации осенью 2022 года, по ряду оценок, была в два-три раза масштабнее. Хотя правительственные источники утверждали о возвращении значительной части уехавших, кадровый дефицит в финтехе и банковском IT остаётся одним из системных ограничений темпов цифровой трансформации.

Анализ программного документа Банка России демонстрирует, что регулятор осознаёт комплексность проблемы. Среди заявленных приоритетов — развитие технологий SupTech и RegTech, реализация экспериментальных правовых режимов (регуляторных «песочниц»), регулирование экосистем и применение искусственного интеллекта на финансовом рынке. Показатель уровня цифровизации финансовых услуг для физических лиц, по данным ЦБ, достиг 78,7 % к концу 2022 года (рост с 72,7 % годом ранее), для юридических лиц — 72,1 % (рост с 65,2 %).

Эти цифры свидетельствуют о продолжающемся повышении цифровой зрелости, однако они характеризуют преимущественно сервисный уровень и не отражают степень импортонезависимости базовых технологий.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Проведённый анализ позволяет систематизировать основные результаты цифровой трансформации финансовых рынков в условиях санкционного давления и выявить ключевые противоречия этого процесса.

Российский финансовый рынок продемонстрировал высокую адаптивность к внешним шокам в технологическом измерении. СПФС за неполных два года совершила переход от вспомогательной системы к основному каналу финансовых коммуникаций, обрабатывающему порядка 70 % внутрироссийского трафика. Система «Мир» заместила Visa и Mastercard на внутреннем рынке, обеспечив две трети карточных операций. СБП удвоила объёмы, достигнув 7 млрд операций и 31 трлн руб. в 2023 году. Эти результаты показывают, что стратегия заблаговременного создания альтернативной инфраструктуры, начатая после 2014 года, оказалась эффективной именно как подготовка к кризисному сценарию.

Между тем анализ выявляет ряд фундаментальных противоречий.

Противоречие между скоростью адаптации и её качеством является центральным. Стремительный рост показателей СПФС, «Мир» и СБП касается внутрироссийского контура. Проблема трансграничных расчётов, составляющая ядро санкционного давления, решена лишь частично. Интеграция СПФС с CIPS, SEPAM и SFMS расширяет географию, но не устраняет зависимости от готовности иностранных контрагентов работать с российской системой в условиях рисков вторичных санкций. Число иностранных участников СПФС (около 150 нерезидентов из 15+ стран к концу сентября 2023 г.) несопоставимо с 11 000 финансовых институтов из более чем 200 стран, подключённых к SWIFT.

Противоречие между дедолларизацией и новой зависимостью проявляется в концентрации расчётов на юане. Вытеснение доллара из российского экспорта и биржевых торгов не привело к формированию диверсифицированной мультивалютной структуры — оно привело к замещению одной доминантной валюты другой, причём валютой страны, чьи банки сами подвержены давлению вторичных санкций. Рост доли юаня на Московской бирже до 42 % при одновременном сокращении готовности китайских банков обслуживать ряд категорий российских контрагентов создаёт неустойчивую конфигурацию.

Противоречие между цифровым суверенитетом и технологической зависимостью пронизывает весь технологический стек. Программные платформы СПФС, СБП, цифрового рубля разрабатываются внутри страны, однако они функционируют на аппаратной базе, доступ к которой ограничен санкциями. Дефицит полупроводников, сокращение поставок серверного оборудования, отток квалифицированных кадров формируют структурный разрыв между программной и аппаратной составляющими цифрового суверенитета.

Цифровой рубль, рассматриваемый как перспективный инструмент преодоления трансграничных ограничений, на данном этапе остаётся проектом с высоким потенциалом и значительной неопределённостью. Его внутренний потенциал ограничен низкой готовностью населения, издержками для банковского сектора и рисками восприятия как инструмента государственного контроля. Его внешний потенциал зависит от готовности партнёров — прежде всего Китая — к сопряжению платформ, а также от вероятности распространения санкций на ЦВЦБ-инфраструктуру.

ВЫВОДЫ

Цифровая трансформация финансового рынка Российской Федерации в условиях санкционного давления представляет собой процесс вынужденной ускоренной адаптации, результаты которого неоднородны и внутренне противоречивы.

На уровне внутренней платёжной инфраструктуры достигнуты значительные результаты. СПФС, НСПК/«Мир» и СБП обеспечили непрерывность финансовых коммуникаций и розничных платежей, продемонстрировав жизнеспособность стратегии заблаговременного создания альтернативных систем. Показатели 2022–2023 годов свидетельствуют о способности национальной инфраструктуры выдерживать нагрузки, кратно превышающие проектные значения периода мирного развития.

На уровне трансграничных расчётов и международных финансовых коммуникаций ситуация существенно сложнее. Дедолларизация расчётов, какими бы впечатляющими ни были её темпы, носит вынужденный и асимметричный характер, порождая зависимость от юаня и китайской инфраструктуры. Цифровой рубль как ЦВЦБ обладает потенциалом для формирования альтернативного канала трансграничных расчётов, однако этот потенциал определяется не столько внутренней технологической зрелостью платформы, сколько внешними факторами: готовностью стран-партнёров, позицией КНР в отношении стандартов интероперабельности, а также реакцией западных регуляторов.

Технологический суверенитет финансового рынка остаётся задачей с открытым горизонтом решения. Разрыв между программной самостоятельностью (где прогресс очевиден) и аппаратной зависимостью (где ограничения усиливаются) формирует зону стратегической уязвимости, смягчение которой требует усилий, выходящих за рамки собственно финансового регулирования.

Научная значимость проведённого анализа заключается в демонстрации того, что санкционное давление может выступать мощным катализатором цифровой трансформации, но не способно устранить фундаментальных ограничений, обусловленных интеграцией в глобальные технологические цепочки. Практические импликации состоят в необходимости перехода от реактивной адаптации к системному проектированию финансовой инфраструктуры, учитывающему долгосрочные риски технологической автаркии и потенциал многостороннего (а не двустороннего) сотрудничества в создании альтернативных платёжных механизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банк России. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов. — М. : Банк России, 2023. — 80 с.
2. Банк России. Основные направления цифровизации финансового рынка на период 2022–2024 годов. — М. : Банк России, 2021. — 56 с.
3. Банк России. Цифровой рубль : доклад для общественных консультаций. — М. : Банк России, 2020. — 48 с.
4. Банк России. Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года. — М. : Банк России, 2022. — 72 с.
5. Байгузина, Л. З. Цифровая трансформация финансов: выяснение ключевых аспектов / Л. З. Байгузина // Вестник академии знаний. — 2023. — № 5 (58). — С. 52–58.
6. Кучукова, Н. К. Санкции и цифровая трансформация: вызовы и перспективы для экономики России / Н. К. Кучукова, Е. А. Белоглазова // Финансы и кредит. — 2023. — Т. 29, № 8. — С. 1742–1764.
7. Криворучко, С. В. СПФС как отечественный аналог SWIFT / С. В. Криворучко, В. А. Лопатин // Банковское дело. — 2023. — № 3. — С. 24–29.
8. Park, S. Conceptualizing Digital Sanctions as a New Type of Economic Sanctions in the Digital Era: Digital-Related Sanctions Measures Against Russia and Their Consequences / S. Park // Journal of International Economic Law. — 2024. — Vol. 27, no. 1. — P. 1–28. — DOI: 10.1177/18793665231217303.
9. Prokopenko, A. Can the Digital Ruble Shield Russia From Western Sanctions? / A. Prokopenko. — Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 2024. — 22 p.
10. Bank for International Settlements. Central bank digital currencies: ongoing policy perspectives : BIS Papers. — No. 125. — Basel : BIS, 2022. — 38 p.
11. Тосунян, Г. А. Национальная платёжная система и банковская инфраструктура в условиях санкционного давления / Г. А. Тосунян // Банковское право. — 2023. — № 1. — С. 7–18.
12. Hufbauer, G. C. Economic Sanctions Reconsidered / G. C. Hufbauer, J. J. Schott, K. A. Elliott, B. Oegg. — 3rd ed. — Washington : Peterson Institute for International Economics, 2009. — 248 p.
13. Масленников, В. В. Цифровая трансформация финансовой сферы: новые вызовы и возможности / В. В. Масленников, О. Н. Афанасьева // Финансы: теория и практика. — 2023. — Т. 27, № 4. — С. 6–18.

REFERENCES

1. Bank of Russia. Main Directions for the Development of the Financial Market of the Russian Federation for 2024 and the Period of 2025 and 2026. — Moscow: Bank of Russia, 2023. — 80 p.
2. Bank of Russia. Main Directions of Digitalization of the Financial Market for the Period 2022–2024. — Moscow: Bank of Russia, 2021. — 56 p.
3. Bank of Russia. Digital Ruble: Report for Public Consultations. — Moscow: Bank of Russia, 2020. — 48 p.
4. Bank of Russia. Strategy for the Development of the Financial Market of the Russian Federation until 2030. — Moscow: Bank of Russia, 2022. — 72 p.
5. Bayguzina, L. Z. Digital transformation of finance: clarification of key aspects / L. Z. Bayguzina // Bulletin of the Academy of Knowledge. — 2023. — No. 5 (58). — P. 52–58.
6. Kuchukova, N. K. Sanctions and digital transformation: challenges and prospects for the Russian economy / N. K. Kuchukova, E. A. Beloglazova // Finance and Credit. — 2023. — Vol. 29, No. 8. — P. 1742–1764.
7. Krivoruchko, S. V. SPFS as a domestic analogue of SWIFT / S. V. Krivoruchko, V. A. Lopatin // Banking Business. — 2023. — No. 3. — P. 24–29.
8. Park, S. Conceptualizing Digital Sanctions as a New Type of Economic Sanctions in the Digital Era: Digital-Related Sanctions Measures Against Russia and Their Consequences / S. Park // Journal of International Economic Law. — 2024. — Vol. 27, No. 1. — P. 1–28. — DOI: 10.1177/18793665231217303.
9. Prokopenko, A. Can the Digital Ruble Shield Russia From Western Sanctions? / A. Prokopenko. — Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2024. — 22 p.
10. Bank for International Settlements. Central Bank Digital Currencies: Ongoing Policy Perspectives. BIS Papers No. 125. — Basel: BIS, 2022. — 38 p.
11. Tosunyan, G. A. National payment system and banking infrastructure under sanctions pressure / G. A. Tosunyan // Banking Law. — 2023. — No. 1. — P. 7–18.
12. Hufbauer, G. C. Economic Sanctions Reconsidered / G. C. Hufbauer, J. J. Schott, K. A. Elliott, B. Oegg. — 3rd ed. — Washington, D.C.: Peterson Institute for International Economics, 2009. — 248 p.
13. Maslennikov, V. V. Digital transformation of the financial sector: new challenges and opportunities / V. V. Maslennikov, O. N. Afanasyeva // Finance: Theory and Practice. — 2023. — Vol. 27, No. 4. — P. 6–18.

Информация об авторе

Вергун Татьяна Викторовна

Северо-Кавказский социальный институт
E-mail: t-vergun@ya.ru

Information about the author

Vergun T. V.

North Caucasus Social Institute
E-mail: t-vergun@ya.ru